

Глава секты хотел было расспросить обо всем подробнее, но водяное зеркало уже погасло. Теперь оставалось лишь гадать, что за драма разыгрывается между человеком и драконом.

Пик Нефритового Костного Мозга

Разъяренный дракон мертвой хваткой обвился вокруг Почтенного мечом Цинхуна, приняв его за опорный столб. Нависая над его головой, змей скалил клыки и шумно выдыхал горячий пар:

— Стоило мне отлучиться на пару дней, как тут черт знает что творится! Почему твои вещи оказались у младшего брата Не?!

Почтенный мечом Цинхун холодно прищурился:

— Если сию же секунду не слезешь, лишишься хвоста.

Дракон мгновенно сник. Трусливо сполз с плеч мастера, он перебрался на соседнюю колонну, уныло обвился вокруг нее в несколько колец и, повесив голову, тихо заворчал:

— Тоже мне, названный брат... Речь идет о человеке, который мне нравится, а ты даже словом не обмолвился. Ну и где твоя верность?

Цинхун отозвался равнодушно:

— Не видел нужды.

— Как это — не видел?! Тот, кого я люблю, носит твоё верхнее одеяние! Это же двусмысленно до предела! Для меня это чистой воды предательство, ты просто уводишь его у меня! — дракон снова зашипел, обдавая зал горячим дыханием.

— Вот как? — безучастно отозвался Цинхун.

— Именно!

Лицо Цинхуна сделалось непроницаемым. Духовная энергия вокруг него всколыхнулась морозной волной. По залу разнесся резкий треск: плиты пола, стены и купол потолка стремительно затягивало коркой льда. Леденящий холод заполнил все пространство.

Поняв, что ляпнул лишнего, змей виновато соскользнул с колонны, намереваясь по-тихому убраться восвояси. Но стоило ему поползти до выхода, как позади раздался ледяной голос:

— С вашим ничтожным совершенствованием вы оба, вместе взятые, не стоите и моего мизинца. И ты смеешь говорить о том, что я кого-то «увожу»?

Яд. Чистейший, неразбавленный яд!

Дракон в ярости обернулся, собираясь высказать все, что думает, но Почтенный мечом уже растаял в воздухе яркой вспышкой, оставив после себя лишь беспощадный, пренебрежительный смешок.

— Да ты просто садист! — взревел уязвленный змей вслед.

Этот несносный мечник прекрасно видел его замешательство, но все равно не упустил случая вонзить нож по самую рукоять!

Дракон обиженно вжал голову в плечи. И лишь сейчас, изнывая от злости, он запоздало осознал: он ведь так и не выяснил, с какой стати Не Гэнлань расхаживает в чужих одеждах.

От возмущения у него голова шла кругом.

Ань Жуфэн потерял счет времени, стоя на вершине безымянного пика. Когда порывы ветра окончательно превратили его прическу в подобие вороньего гнезда, он запоздало сообразил, что ответ от главы секты вряд ли придет быстро, и поспешил наложить на себя ветрозащитный барьер. Стоило преграде сомкнуться, как перед ним вспыхнула присланная главой бумажная птица-вестник.

Поверхность талисмана выгнулась, приняв очертания человеческих губ, которые отчетливо зашевелились:

— Жуфэн, прекрати расследование. Юный друг Не не нарушал устав школы.

— И помни об этом.

С последним словом талисман рассыпался серым пеплом, уносимым ветром.

Ань Жуфэн растерянно почесал затылок:

«Прекратить? Вот так просто?»

В самом распоряжении не было ничего странного, но предостережение в конце прозвучало слишком веско, словно за ним пытались скрыть какую-то тайну. Это явное стремление замять дело вызывало вопросы.

Впрочем, приказ главы — закон.

Жуфэн оседлал летящий меч и взял курс обратно на Пик Чудесных Звуков. Однако мысли его были заняты совсем другим.

Призрачный силуэт фиолетовой птицы долетел до самого Пика Нефритового Костного Мозга. Мантия на плечах младшего брата Не определенно принадлежала кому-то оттуда. И кто, кроме старшего брата Шо, мог быть ее владельцем?

Но судя по поведению главы секты, тот попросту выгораживал Шо из уважения к Почтенному мечом Цинхуну, попутно запретив залу управителей выдвигать обвинения против Не Гэнланя.

Ань Жуфэн славился смекалкой. Его внезапно осенило: неужели Почтенный мечом и глава секты решили закрыть глаза на связь Шо и Не Гэнланя и молча одобрить эти отношения?

Он мысленно порадовался собственной предусмотрительности — хорошо, что не взял с собой других учеников. О подобных вещах определенно стоило помалкивать.

В зале управителей все то время, пока отсутствовал Ань Жуфэн, Не Гэнлань безропотно стоял на коленях под ледяными сквозняками.

Наконец Жуфэн вошел в главный зал и во всеуслышание объявил:

— Суть дела прояснилась. Произошло недоразумение, инцидент исчерпан. Младший брат Не свободен, он может идти.

Сюй Тяньтянь облегченно выдохнул и тут же бросился к другу, накидывая на его плечи теплую ученическую мантию:

— Живее одевайся, а то околеешь совсем!

Губы Гэнланя посинели и мелко дрожали, пальцы онемели, а колени затекли от долгого стояния на холодном полу. Когда на его плечи легло теплое сукно, он судорожно вздохнул и крепче прижал локти к груди.

В толпе присутствующих поднялся недовольный ропот. Чжан Тао первым шагнул вперед, открыто высказывая несогласие:

— Старший брат Ань, позвольте спросить: чье же это все-таки одеяние?

Жуфэн строго зыркнул на него:

— Младший брат, ты смеешь ставить под сомнение вердикт управителей?

— Ученик не дерзит, — процедил Чжан Тао, едва сдерживая злость. — Но нам хотелось бы знать, у чьих ног приземлилась призрачная вестница. Не Гэнлань сам признал, что одежда принадлежит одному из старших братьев. Старший брат Ань, что именно вы там увидели? Объяснитесь перед нами!

Ученик по фамилии Фань, живший в одной комнате с Чжан Тао, поспешил поддакнуть:

— Верно, старший брат Ань! Слишком уж спешное решение. Как нам теперь уживаться с человеком, чье истинное лицо скрыто под маской? Из-за такой неопределенности и медитировать спокойно не получается!

— Дерзость! — оборвала его старшая сестра Лю. — Зал управителей всегда судит беспристрастно. Старший брат Ань ясно дал понять, что младший брат Не невиновен. Вы что, бунт тут решили устроить?

Ань Жуфэн неловко коснулся кончика носа:

«И почему мне вдруг так неловко?..»

Он прочистил горло и заговорил более уверенно:

— Моя вина, не разъяснил все сразу. Призрачный силуэт фиолетовой птицы улетел на одну из заброшенных вершин, где в тот момент колот дрова неприметный ученик. По воле случая я его знаю — он годами не покидает тот дикий склон, оттого мало кому известен в школе. Чтобы не доставлять неприятностей ни в чем не повинному человеку, я не стану называть его имени. Повторяю: это чистой воды совпадение.

Чжан Тао с приятелями, уже предвкушавшие позорное изгнание Не Гэнланя, с трудом переваривали это известие.

Выходит, тот ни с кем тайком не встречался?

Чжан Тао украдкой покосился на Чжоу Яня и разочарованно опустил голову. Раз уж зал управителей вынес столь однозначное решение, лезть на рожон они не посмели бы — иначе сами бы и поплатились.

— Итак, — продолжил Ань Жуфэн, — младший брат Чжан, раз уж ты выступил зачинщиком навета, тебе надлежит принести извинения младшему брату Не. На этом инцидент сочтем исчерпанным. Младший брат Не, что скажешь?

Сюй Тяньтянь возмущенно затряс кулаками:

— Да с какой стати?! Они облили Не-даю грязью с ног до головы, и простого «извини» им хватит?!

Но тут его резко потянули за край рукава. Опустив глаза, он встретился взглядом с бледным Не Гэнланем, который едва заметно качал головой.

— Старший брат Ань, — хрипло выговорил юноша, — я приму извинения.

Ань Жуфэн удовлетворенно кивнул:

— Славно. Так и поступим.

Пока они спокойно улаживали разногласия, Чжан Тао исходил желчью. Чтобы он, благородный заклинатель, пресмыкался перед этой шлюхой? Да никогда в жизни!

Заметив, что парень застыл как истукан, Жуфэн с нажимом поторопил:

— Младший брат Чжан?

Чжан Тао густо покраснел от злости, бросив на Не Гэнлани испепеляющий взгляд. Он с надеждой повернулся в сторону Чжоу Яня и Не Юньчжэня, но те лишь безучастно созерцали происходящее, даже не думая вмешиваться.

Чжоу Янь едва слышно буркнул себе под нос:

— Я-то думал, этот придурок проучит выскочку, а он облажался на пустом месте. Ничтожество.

— Чжан Тао! — выкрикнул Сюй Тяньтянь. — Ты оклеветал честного человека и опозорил соученика! Живее извиняйся!

Старшая сестра Лю добавила ледяным тоном:

— Если младший брат Чжан упрямится, у нас есть кнут духовного угасания. По пять ударов по каждой ладони. Как раз освежит память.

При упоминании этого страшного орудия Чжан Тао мгновенно вспомнил ужас, пережитый на церемонии посвящения. Его зрачки сузились, а спесь мигом испарилась.

— Я... я извинюсь! — поспешно выкрикнул он.

Стиснув зубы до скрежета, он шагнул к мертвенно-бледному Гэнланю и, отвернув лицо, сквозь зубы бросил:

— Прости.

— Кто так просит прощения? — не унимался Тяньтянь. — Смотри в глаза, когда говоришь!

Чжан Тао готов был взорваться, но, натолкнувшись на тяжелый взгляд Ань Жуфэна, сдержал порыв. Он уставился прямо на Не Гэнланя и процедил:

— Не-даю, я зря тебя оговорил. Прости меня!

Гэнлань едва заметно шевельнул губами:

— Ладно.

Видя, что конфликт исчерпан, Ань Жуфэн объявил, что все могут быть свободны.

Чжан Тао, кипя от злости, пулей вылетел из зала. Вэй Си и Чжан Хупо боязливо, словно напуганные перепелки, поспешили следом. Тем временем у подножия стены за пределами зала управителей Чжоу Янь уже поджидал соседей Не Гэнланя по комнате...

Ань Жуфэн подошел к Не Гэнланю и достал из пространственного мешочка круглую пилюлю чистого слияния:

— Прости, младший брат. Служба есть служба, не держи зла. Похоже, ты сильно обморозился. Прими это снадобье, оно быстро вернет силы.

Не произнося ни слова, Гэнлань принял лекарство, проглотил его и пристально посмотрел на управителя.

Тот под его прямым взглядом лишь неловко отвел глаза, словно у него действительно было нечисто на душе. Старшая сестра Лю с любопытством переводила взгляд с одного на другого, не понимая, что происходит между соучениками.

Целебный жар пилюли еще не успел разойтись по венам, и Гэнлань едва держался на ногах.

— Спасибо, старший брат. Мы пойдем, — тихо произнес он.

Сюй Тяньтянь бережно вывел друга на крыльцо. Оказавшись под ласковыми, теплыми лучами солнца, они оба невольно зажмурились.

— Какая же мерзость! — в сердцах воскликнул Тяньтянь, едва они отошли подальше. — Этот Чжан Тао явно спелся с Чжоу Янем и Не Юньчжэнем. Ладно бы они просто трепали языком, так нет же — обвинили тебя в блуде с мужчиной и осквернении устоев школы! У меня в голове не укладывается подобная низость!

Окоченевшее тело Гэнланя понемногу согревалось, но пальцы рук и ног нестерпимо зудели и опухали от обморожения, причиняя мучительную боль.

Тяньтянь продолжал возмущаться:

— И соседи твои хороши! С чего бы им вдруг дружно на тебя клеветать? Уверен, Чжоу Янь со своей компанией щедро им заплатили! И одежда твоя в корыте оказалась явно с их подачи!

Не Гэнлань глухо отозвался:

— Самый дешевый пространственный мешочек... Его может открыть любой желающий.

Тяньтянь осекся. И ведь верно: в самом начале они купили простейшие сумы, не требующие духовных сил для открытия, поскольку сами еще не умели управлять ци. Будь у них хоть капля магической энергии, они бы запечатали свои вещи кровью или клятвой, и никто не смог бы поживиться за чужой счет.

— И что же теперь делать? — Суй Тяньтянь сокрушенно опустил плечи. — Раз уж Чжан Хупо и Вэй Си переметнулись к Чжоу Яню... Твоя жизнь в общежитии превратится в сущий ад.

Гэнлань горько усмехнулся:

— Очевидно, их перекупил Не Юньчжэнь.

— Нельзя это так оставлять! — вспыхнул Тяньтянь. — Они же тебя живьем сожрут! Пойду к учителю, упрошу забрать тебя на Пик целебных снадобий послушником. Рядом со мной ты будешь в безопасности!

— Не стоит, — Гэнлань мягко придержал его за руку. — Разве Истинный владыка Цинъянь примет на пик того, у кого нет способностей к алхимии? К тому же моя репутация и без того растоптана. Какую еще грязь они могут на меня вылить?

Суй Тяньтянь в бессильной ярости сжал кулаки, но в итоге уступил и молча побрел следом, провожая друга до Обители Разносящихся Звуков.

Когда Гэнлань, опираясь на плечо друга, вошел во двор Обители, взгляды всех присутствующих учеников мгновенно устремились на них. В самой комнате воцарилась гробовая тишина: завидев соседа, Вэй Си и Чжан Хупо стыдливо отвели глаза.

Тяньтянь, проходя мимо предателей, презрительно фыркнул.

Помог Гэнланю лечь на постель и укутал его одеялом. Напоследок шепнув другу, чтобы тот отдыхал, он повернулся к выходу.

— Суй... Суй-даю, — робко окликнул его Чжан Хупо. — Прости нас, мы правда не со зла. Не Гэнлань действительно не ночевал в комнате, но к его вещам мы пальцем не прикасались! Мы лишь сказали то, что видели...

— Выйдем, — оборвал его Тяньтянь холодным, не терпящим возражений тоном.

— А? — Хупо растерялся и испуганно переглянулся с Вэй Си. — Хорошо, сейчас.

Стоило этой парочке переступить порог, как Тяньтянь без лишних слов заехал каждому кулаком прямо в глаз.

Лежа в постели, Не Гэнлань слышал доносившиеся со двора приглушенные вскрики и стоны боли. Он сильнее закутался в одеяло. Тень от длинных ресниц падала на его бледные щеки, подчеркивая печать глубокой уязвимости и одиночества.

Он ведь искренне верил, что за последнее время они сблизились. Всякий раз, когда соседи не могли разобрать сложные иероглифы в свитках, он часами терпеливо разъяснял им правила. Со временем он даже стал доверять им, прося заносить его сушащиеся вещи в дом до захода солнца.

И ради чего? Чтобы при первой же возможности получить удар в спину?

Неужели он действительно был настолько слеп и глуп?

Юноша крепко зажмурился, а его губы исказила горькая, полная самоиронии усмешка.

Гэнлань пролежал до самой ночи. Вечером он лишь ненадолго поднялся, чтобы съесть пару пресных мант, и снова лег, не обращая внимания на суету и шепотки в комнате.

Поначалу соседи еще с опаской косились на его кровать, но вскоре поняли, что ему нет до них дела, и вернулись к привычным праздным разговорам.

Благодаря пилуле чистого слияния жар и ломота от обморожения постепенно отступили.

На следующее утро Гэнлань, как обычно, поднялся на рассвете и отправился медитировать в бамбуковую рощу. А когда подошло время уроков, он оседлал журавля и полетел на Пик целебных снадобий.

Накануне старейшина Ху, заправлявший уроками летописи, упомянул, что одолжил огненную жемчужину пламени Истинному владыке Цинъяню с Пика целебных снадобий, так что сегодня Гэнлань мог забрать свою награду прямо перед началом занятий.

Сюй Тяньтянь с нетерпением поджидал друга у площадки для приземления журавлей. Едва тот сошел на землю, он радостно затараторил:

— Учитель вернет тебе жемчужину с минуты на минуту! Хе-хе, твоя первая заслуженная

награда в школе, такое дело грех не отпраздновать! Давай сегодня закатим пир в трапезной?

Гэнлань мягко улыбнулся:

— Давай.

Они вместе со всеми направились к залу алхимии.

Действительно, стоило им войти, как Истинный владыка Цинъянь перед началом урока подозвал Не Гэнланя и при всех вручил ему награду:

— Старейшина Ху передал мне эту огненную жемчужину пламени на временное пользование. Теперь я возвращаю ее законному владельцу.

Испытывая бурю смешанных чувств, Гэнлань почтительно поклонился и принял артефакт обеими руками:

— Благодарю вас, Истинный владыка.

В полумраке алхимического зала жемчужина светилась ровным, густым оранжевым светом. В самой ее глубине весело плясал крохотный язычок живого пламени, испуская ласкающее ладони тепло.

Ради этой невзрачной бусины вчера он перенес столько унижений и едва не лишился доброго имени. Держа ее сейчас, он невольно вздохнул, чувствуя, как к горлу подкатывает ком.

В паре шагов от них Не Юньчжэнь провожал его ледяным, полным презрения взглядом. Чжан Тао тем временем угодливо нашептывал что-то на ухо Чжоу Яню, и оба заговорщически ухмылялись.

Тяньтянь украдкой показал этой своре неприличный жест и потянул Гэнланя за собой, усаживаясь за свободный стол.

На сегодняшнем уроке алхимии Истинный владыка Цинъянь намеревался обучить их распознаванию новых видов духовных растений и показать рецепт очередного снадобья.

Возвышаясь на помосте, учитель неторопливо поглаживал длинную бороду и вещал звучным, размеренным голосом:

— «Усы бессмертного», кои в народе также величают «цветком бессмертного», порою принимают очертания крохотных человеческих фигурок. Это растение обладает чудесным свойством рассеивать скверну демонического влияния, очищать разум, выводить яды и прогревать меридианы духовных корней. Однако при всей своей пользе оно крайне хрупко и совершенно не переносит жара. Под воздействием открытого пламени усы увядают за считанные мгновения, а потому произрастают исключительно в темных и сырых пещерах...

Завершив вводную часть, Цинъянь по заведенному порядку уступил место своему новому личному ученику Сюю Тяньтяню, которому надлежало руководить практической частью — созданием пилюли изгнания демонов и ясного сердца.

Гэнлань сосредоточенно следовал указаниям друга. Он аккуратно растирал волокна растения в ступке, превращая их в кашицу, чтобы затем поместить в паровую чашу.

Юноша работал настолько самозабвенно, что даже не заметил, как со спины к нему подошла Сюй Паньди.

— Не-даю, — негромко окликнула она его, привлекая внимание.

— Сюй-даю? — Гэнлань удивленно поднял голову. — Что-то случилось?

— Дело в том, что когда я ходила в кладовую за новыми порциями усов, ко мне подбежал один из учеников. У него сильно прихватило живот, и он попросил передать, что тебя срочно вызывает Истинный владыка Цинъянь. Тебе нужно подождать его в темных комнатах.

— Учитель ищет меня? — Гэнлань озадаченно взглянул на Тяньтяня, который в этот момент громко наставлял сокурсников не толочь корни слишком усердно, дабы сок не загустел раньше времени.

— Я сама не знаю подробностей, — покачала головой Паньди. — Быть может, это касается возвращенной жемчужины? Тебе лучше сходить и проверить.

Над алхимическими печами заструился первый сизый пар. Гэнлань бросил еще один взгляд на увлеченного процессом Тяньтяня и поспешно покинул зал.

Темные комнаты располагались по другую сторону крытой галереи. Там тянулся целый ряд помещений, в которых Истинный владыка Цинъянь выращивал и хранил редкие снадобья.

Гэнлань остановился у третьей двери, над которой висела деревянная табличка с надписью «Усы бессмертного», и осторожно постучал.

— Владыка, могу я войти?

Выждав немного и не услышав ответа, юноша не решился войти без спроса и остался ждать у порога.

Вскоре с конца галереи донеслись чьи-то шаги.

Решив, что идет учитель, Гэнлань уже приготовился склониться в почтительном поклоне, но из тени колоннады вынырнуло самодовольное лицо Чжоу Яня.

— О, неужто сам Не Гэнлань пожаловал? Тот самый отличник, что урвал огненную жемчужину? Или мне величать тебя вчерашним блудником, господин хорошенький? Ну же, колись: ты ведь явно кувыркался с тем парнем, как тебе удалось обвести вокруг пальца колокол преследования ауры?

Гэнлань смерил его презрительным взглядом:

— Вы нарочно подстроили ту травлю. Что вам еще от меня нужно?

— Травлю? — Чжоу Янь издевательски хмыкнул. — Ты явился растрепанный, в чужих шмотках и сам признал, что они не твои. О чем тут еще говорить?

Лицо Гэнланя потемнело:

— Я не собираюсь лаять с собаками. Прочь с дороги.

Чжоу Янь издевательски расхохотался. Пока он сыпал оскорблениями, из его широкого рукава незаметно выскользнул крошечный бумажный человечек. Плоская фигурка бесшумно вскарабкалась по одежде Гэнланя и юркнула к висевшему на поясе мешочку.

— Слышь, Не Гэнлань, кто из нас собака — видно невооруженным глазом. Ты просто дворняжка, которую мы гоняем как хотим. Мы с Юньчжэнем снизошли до того, чтобы поиграть с тобой, так что знай свое место!

Гэнлань уловил в его словах скрытую издевку и холодно спросил:

— К чему ты клонишь?

— До сих пор не дошло, тупица? — Чжоу Янь так и покатывался со смеху. — Мы просто попросили девчонку соврать тебе, а ты уши развесил и прибежал сломя голову!

У Гэнланя екнуло сердце. Он мгновенно все понял:

— Это ваша уловка?! Зачем вы заманили меня сюда?!

Почав сердиться, юноша упустил из виду крошечного бумажного паяца, который внутри его мешочка ловко развязал тесемки.

Чжоу Янь упивался своим триумфом:

— Да низачем! Просто забавно наблюдать, как послушный щенок пляшет под нашу дудку. И знаешь, зрелище превосходное! Ха-ха-ха!

Гэнлань одарил негодяя ледяным взглядом, рванул на себя дверь кладовой с усами бессмертного и замер: внутри действительно никого не было.

Истинный владыка и не думал вызывать его.

Поняв, что его одурачили, Гэнлань круто развернулся и зашагал прочь. Чжоу Янь улюлюкал ему в спину:

— Что, молодой барин Не изволит гневаться? Да ладно тебе, это же просто шутка, не принимай близко к сердцу!

Гэнлань даже не обернулся, ускоряя шаг на обратном пути в зал алхимии.

Чжоу Янь презрительно фыркнул и поманил пальцем. Из темноты коридора к нему деловито приковылял бумажный человечек, бережно держа в плоских лапках украденную огненную жемчужину пламени, и опустил ее прямо в ладонь хозяина.

Когда занятия закончились, Сюй Тяньтянь наотрез отказался отпускать Гэнланя одного и настоял на том, чтобы вместе пообедать в трапезной Пика Чудесных Звуков — мало ли что взбредет в голову банде Чжан Тао.

Незадолго до этого Гэнлань успел расспросить Сюй Паньди и выяснил, что та даже в глаза не видела ученика, передавшего весть. Стало ясно: девушку тоже цинично использовали. Но рассказывать об этом Тяньтяню он не стал, опасаясь, что вспыльчивый друг сразу же кинется с кулаками на Чжоу Яня.

— У тебя еще остались духовные камни? — спросил Тяньтянь, уплетая обед. — В ближайший день отдыха спустимся к подножию, я помогу тебе выбрать хороший, добротный мешочек, который никто не сможет вскрыть без спроса. И камень сохранения образов прикупим. Если эти твари снова полезут, запишем все на него и предъявим старейшинам, пусть вся школа увидит, что они за гниды!

Гэнлань тихо вздохнул:

— Камней почти не осталось.

Вернувшись вчера в комнату, он обнаружил пропажу большей части высокосортных духовных камней. Доказать кражу было невозможно — улики не осталось, а соседи, подкупленные Не Юньчжэнем, в один голос заявили бы о его невинности. Чтобы не наживать лишних бед, Гэнлань предпочел промолчать.

Тяньтянь сочувственно прикусил язык:

— Вот же беда... На одно только ежемесячное жалованье много не накопишь.

— Нужно как можно скорее достичь стадии Возведения фундамента, — твердо произнес Гэнлань. — Тогда я смогу брать поручения у подножия горы.

— И то верно, — согласился Тяньтянь.

Разговаривая, они вышли к площадке для остановки мечей. Но стоило им приготовиться к отбытию, как с небес громовым раскатом обрушился яростный голос, от которого заложило уши:

— Всем стоять на месте! Никому не покидать пик!

Ученики, уже собравшиеся оседлать журавлей, испуганно замерли. В небесах за клубились тучи, и перед ними прямо из воздуха соткался разъяренный Истинный владыка Цинъянь.

Сюй Тяньтянь встревоженно подбежал к учителю:

— Учитель, что случилось?

Цинъянь с мрачным как туча лицом опустил на землю. Его ледяной голос разнесся над обрывом:

— Не Гэнлань! Как твоя дерзость зашла так далеко?!

Десятки взглядов мгновенно скрестились на побледневшем юноше. В толпе зевак Чжоу Янь с довольным видом скрестил руки на груди, а Не Юньчжэнь лишь брезгливо отвернулся.

— Учитель, о чем вы? — взмолился Тяньтянь, ничего не понимая.

Гэнлань выступил вперед и вежливо поклонился:

— Истинный владыка Цинъянь, позвольте узнать, чем ученик заслужил ваш гнев?

Алхимик задыхался от ярости. Он указал пальцем в сторону галереи:

— Все до единого усы бессмертного в моей кладовой погублены! И ты еще смеешь разыгрывать невинность?!

— Учитель! — Тяньтянь побледнел как полотно. — Этого не может быть! Не-даю все время был со мной! Зачем ему портить ваши растения? Он бы никогда так не поступил!

— Хм, хочешь знать, отчего я так уверен?!

С этими словами Цинъянь раскрыл ладонь. Над ней медленно воспарила огненная жемчужина пламени, заливая площадку ядовито-оранжевым свечением. Алхимик в упор разглядывал Гэнланя, едва сдерживая желание самолично швырнуть его в темницу.

Гэнлань похолодел. Он судорожно полез в мешочек на поясе, но, как и ожидал, внутри было пусто. Сердце его пропустило удар, и он ошеломленно уставился на учителя:

— Откуда у вас моя жемчужина?!

Едва сорвавшись с губ, этот вопрос обнажил страшную правду. Гэнлань резко обернулся к толпе и встретился взглядом с Чжоу Янем.

Тот победоносно подмигнул ему и шутливо развел руками, изображая полное недоумение.

Пазл сложился.

— Эта жемчужина не выпала случайно! — гремел Цинъянь. — Она лежала посреди разгромленной кладовой, аккуратно уложенная на шелковый платок! Дверь туда была заперта, войти внутрь без ключа невозможно. Не Гэнлань, у тебя есть хоть одно оправдание?!

Гэнлань крепко сжал челюсти, его взгляд стал жестким и холодным.

— Учитель! — взмолился Тяньтянь. — Здесь явно кроется какая-то ошибка!

— Ошибка?! — Цинъянь гневно потряс окладистой бородой, указывая на Гэнланя. — Пусть он сам скажет: подходил ли он сегодня к темным комнатам?!

Окружающие притихли, ожидая ответа.

Внутри у Гэнланя все выжгло ледяной пустотой. Справившись с эмоциями, он твердо произнес:

— Да, учитель. Я действительно подходил к дверям кладовой.

Тяньтянь ошарашенно отшатнулся:

— Что?.. Не-даю, как же так...

— Но внутрь я не заходил, — быстро добавил Гэнлань. — Истинный владыка, усы бессмертного сгубил не я. Меня намеренно заманили туда, чтобы подставить.

Подавив дрожь в голосе, он как можно спокойнее рассказал о фальшивом вызове, о встрече в коридоре с Чжоу Янем и о том, как тот преградил ему путь.

Чжоу Янь, вальяжно закинув руку на плечо Не Юньчжэня, лишь лениво усмехнулся:

— Не-даю, твоя ложь заходит слишком далеко. Сам погубил драгоценные травы учителя, а теперь пытаешься свалить вину на невинного человека? Неужто ты думаешь, что меня так

легко оговорить?

— И то верно! — подхватил Чжан Тао. — Сам натворил бед, а теперь товарищей топит! Откуда в тебе столько гнили?!

— Да заткнитесь вы оба! — в ярости крикнул Тяньтянь, едва не бросаясь на обидчиков с кулаками.

— Ученик, — осадил его Цинъянь тяжелым взглядом.

Тяньтянь осекся, не смея послушаться прямого приказа наставника.

Истинный владыка Цинъянь смерил Гэнланя суровым взглядом:

— Ты утверждаешь, что тебя подставили. Есть ли у тебя доказательства?

Юноша понурил голову:

— Ученик не имеет доказательств.

— Вот и славно! — вскипел алхимик. — Ученик внешнего круга Не Гэнлань виновен в умышленной порче ценных растений Пика целебных снадобий. Немедля доставить его в зал управителей для вынесения приговора!

Тяньтянь тут же рухнул на колени, хватая учителя за край расшитого рукава:

— Учитель! В этом деле слишком много нестыковок! Вы не можете просто так отдать его управителям!

— Слово поперек — и разделишь его наказание! — отрезал Цинъянь.

Тяньтянь не отступил, а лишь загородил собой Гэнланя:

— Учитель, пощадите!

— Непокорная тварь! — рывкнул Цинъянь и взмахнул рукавом. Мощная невидимая волна отбросила Тяньтяня на несколько чжанов в сторону.

Парень застонал от боли, но попытался снова подползти к другу. Однако на его пути с тихим звоном выросла полупрозрачная стена барьера, намертво заблокировав его.

— Побудешь под замком, пока ум наружу не выйдет! — холодно бросил учитель и зажег сигнальную нефритовую плашку.

Управители явились незамедлительно. Возглавлявший их Ань Жуфэн при виде обвиняемого помрачнел. Поклонившись Цинъяню, он тихо спросил:

— Истинный владыка, а нет ли здесь недоразумения?

Лицо Цинъяня сделалось жестче гранита:

— Ты полагаешь, старик ослеп на старости лет и не способен отличить правду от лжи?

— Ни в коем разе, — поспешил оправдаться Жуфэн. — Однако если огненная жемчужина младшего брата Не действительно была похищена, колокол преследования ауры легко укажет на вора по остаточным следам ци. Быть может...

— Вздор! — обидел его Цинъянь. — Духовные крохи этих бездарей колокол даже не зафиксирует! Большинство из здешних юнцов еще не перешагнули порог очищения ци, какая, к черту, аура?!

В толпе стоявших неподалеку учеников Чжоу Янь вдруг почувствовал, как его лицо горит от стыда — слова учителя прозвучали для него как две звонкие пощечины. Он ведь тоже до сих пор не преуспел в очищении ци.

Жуфэн смущенно переступил с ноги на ногу:

— Вот оно как... Не знал, что у колокола есть подобное ограничение.

Еще один мысленный удар по самолюбию Чжоу Яня.

— Хватит болтовни, уводите его! — нетерпеливо приказал Цинъянь. — Из-за погубленных усов бессмертного варка пилюль очищения сердца и изгнания демонов откладывается на полгода, пока не взойдут новые побеги! Пик понес колоссальные убытки. Надеюсь, управители знают, как карать за подобное вредительство?

— Не извольте беспокоиться, почтенный мастер. Мы все сделаем как велит устав, — почтительно отозвался Жуфэн.

— Вот и ступайте, — махнул рукой алхимик.

Жуфэн кивнул двум конвоирам, и те взяли Гэнланя под локти:

— Младший брат Не, не обессудь.

Гэнлань лишь опустил голову, не проронив ни звука.

Тяньтянь за прозрачной преградой бился как птица в клетке, истошно крича:

— Учитель! Учитель, его подставили! Умоляю, перепроверьте все! Учитель!..

Цинъяню до смерти надоели эти крики. Взмахом руки он наложил на неслуха технику Безмолвия, лишив его голоса:

— Ступай размышлять о своем поведении, и чтобы ни шагу отсюда!

Под прицелом десятков злорадных и сочувствующих взглядов Гэнланя увели к летящим мечам. Перед тем как подняться в воздух, он отыскал глазами безмолвно кричащего Тяньтяня и едва заметно покачал головой, умоляя того не глупить.

Свидетели этой сцены молча провожали процессию взглядами.

Девушка Цзюнь Яожань задумчиво проговорила:

— Не-даюю не из тех, кто способен на подобную подлость. Неужто Чжоу Янь снова приложил к этому руку?

Сюй Паньди стояла бледная как смерть, ее глаза блестели от подступающих слез. Почувствовав на себе взгляд Цзюнь Яожань, она всхлипнула и прикрыла рот ладонью.

Через мгновение Яожань все поняла без слов.

— Это я... — едва слышно прошептала Паньди. — Я передала ему те слова. Он поверил мне и пошел туда...

Молодой господин Мужун Чжэнсюэ подошел ближе и тихо вздохнул:

— Возможно, это суровое испытание, предначертанное судьбой для его закалки. Вина лежит не на нем, а на тех, кто кичится благородным происхождением и ни во что не ставит жизни других.

— Паньди, не кори себя, — мягко коснулась ее плеча Яожань. — Сейчас нам нельзя вмешиваться. Если мы вмешаемся, это лишь сильнее разозлит Истинного владыку Цинъяня, и мы только навредим Гэнланю.

Паньди утерла слезы на покрасневших глазах и беззвучно кивнула.

Рассекая облака, конвоиры управителей стремительно неслись над горными грядками, пока не опустились на вершину мрачного, заросшего сорняками пика. Место это выглядело диким и

зловещим.

То был Пик Горького Моря.

Увидев, что ученики уже собираются затолкнуть Гэнланя внутрь каменной темницы, Ань Жуфэн резко скомандовал:

— Погодите.

— Старший брат Ань, что-то не так? — обернулся один из провожатых.

— Мне нужно кое-что уточнить у главы секты. Ждите здесь.

— Слушаемся.

Жуфэн помедлил, а затем выпустил из пальцев сияющую бумажную птицу. Талисман, взмахнув крыльями, устремился к главному пику.

На этот раз ответ пришел на удивление быстро. Получив вестника, Жуфэн поспешно наложил изолирующий барьер, чтобы никто не услышал послание.

Из раскрывшегося талисмана раздался спокойный голос главы секты Юань Цяньсю:

— Касательно наказания Не Гэнланя: судите его строго по букве закона, без поблажек и исключений. Не усложняй.

Жуфэн опешил.

«Как так? Разве младший брат Не не пользуется покровительством того грозного владыки с Пика Нефритового Костного Мозга? Глава секты действительно готов судить его на общих основаниях и не боится гнева этого мастера? Да и молодой змей с его взрывным нравом разнесет половину школы, если узнает!»

Разгадать мотивы руководства управителю было не под силу, и ему оставалось лишь беспрекословно подчиниться.

Убрав барьер, он подошел к Не Гэнланю и с грустной полуулыбкой произнес:

— Ну что, младший брат, поздравляю. Всего месяц в школе, а уже удостоился чести погостить на Пике Горького Моря. Везучий ты парень.

Гэнлань промолчал.

— Ладно, шутки в сторону, — посерьезнел Жуфэн. — Согласно уставу школы, тебе надлежит провести в каменной темнице семь дней. Надеюсь, этого времени хватит, чтобы ты во всем разобрался. Постарайся больше не влипать в подобные истории.

Юношу ввели в темницу.

Едва за ним закрылась дверь, он огляделся. Камера оказалась крохотной — едва ли чжан в ширину, а все стены и углы густо обросли длинными, усеянными острыми иглами ветвями шиповника. Для отдыха оставался лишь узкий пяточок земли шириной чуть более четырех чи. Чтобы лечь, Гэнланю пришлось бы свернуться калачиком, рискуя наткнуться боком или рукой на ядовитые шипы.

Когда тяжелая решетка из темного железа со скрежетом захлопнулась, Гэнлань окликнул разворачивающегося управителя:

— Старший брат Ань.

— Да? — обернулся тот.

— Скажите... будут ли мне приносить еду в эти семь дней?

Жуфэн негромко рассмеялся:

— А я-то думал, ты решишь молить о пощаде. Не переживай, голодом тебя морить не станут. Раз в день еду приносить будут.

С уходом конвоиров в темнице воцарилось безмолвие. Мрак и пронизывающий холод тисками сжали одинокого узника.

Раз уж судьба распорядилась так, Гэнланю оставалось лишь примириться с положением. Он уселся на ледяную землю, скрестив ноги, и попытался очистить разум, чтобы направить ци в тело.

Пусть за все время учебы ему так и не удалось заложить основу, плоды его трудов все же давали о себе знать. Погружаясь в глубокое созерцание, он явственно ощущал, как в его даньтяне, у самого основания духовных корней, бурлит и кружится полноводный поток духовной энергии, тщетно пытаясь отыскать брешь и прорваться внутрь меридианов.

По крайней мере, теперь он чувствовал ее присутствие.

Спустя пару двухчасовых страж за порогом слышался металлический скрежет — пришел

надзиратель.

Поставив плошку с едой, ученик ушел, и тяжелые засовы заперли темницу во второй раз, вновь погружая ее во тьму.

Гэнлань молча съел нехитрый обед и вернулся к медитации.

То ли дело было в абсолютном покое этого мрачного каземата, то ли в чем-то другом, но вскоре он заметил нечто странное: ци в его даньтяне замедлила свой ход. Прежняя бушующая лавина сменилась вязким, ленивым течением.

На второй день он решил проверить догадку и сравнил движение энергии до и после скудной трапезы. Предположение подтвердилось: насыщение физического тела действительно мешало циркуляции духовных сил.

Узников здесь кормили не благородным духовным рисом, а обычным дешевым пшеном из общей кухни. Гэнланю не хватало опыта, чтобы понять, влияет ли качество пищи на проходимость каналов, или же само по себе переваривание еды отнимало драгоценную энергию.

Он хотел понаблюдать за этим явлением подольше, но накопившаяся усталость взяла свое. Втиснувшись в тесный, холодный угол, юноша поджал под себя колени и забылся тяжелым, беспокойным сном.

На исходе третьих суток Гэнлань проснулся от резкой боли. Опустив глаза, он увидел, что его ладони и ступни покрыты множеством мелких царапин от шиповника, на которых уже запеклась темная кровь.

Он сидел на ледяном полу, обхватив руками разбитые колени, и растерянно смотрел в пустоту.

С самого детства он спал беспокойно, постоянно ворочаясь, и если бы он проспал еще пару часов, то живого места на нем точно не осталось бы.

Каждое движение отзывалось острой, сверлящей болью во всем теле. Стиснув зубы, Гэнлань уперся ладонями в каменные плиты пола и, собрав остатки воли, медленно выпрямился, принимая позу для медитации.

Из-за недоедания сил почти не оставалось. Чтобы голод не мешал сосредоточиться во время тренировок, он не стал растягивать скромную пайку на весь день, а съел все за один раз.

Пока Гэнлань упорно предавался самосовершенствованию, далеко на юго-западе Материка Струящейся Луны в небо поднялся быстроходный летающий ковчег. Спустя пару часов судно с золотым гербом рода Не уже приближалось к Городу Далёкого Журавля.

Корабль бросил якорь у городских стен. Шэнь Дуаньфэн в сопровождении верных слуг сошла на землю и напрямик направилась к Школе Духовных Звуков.

Миновав заставы, они вышли на широкую площадь у подножия горы. Едва стражи доложили о прибытии гости, как из-за облаков вынырнул Не Юньчжэнь, ловко управляя летящим мечом.

— Матушка! — Юньчжэнь, одетый в нарядные шелка, поспешил к ней и учтиво склонился в поклоне. — Сын приветствует матушку!

Шэнь Дуаньфэн бережно подняла его за плечи и ласково всмотрелась в лицо:

— Мы не виделись всего два месяца, а ты, кажется, вытянулся и с лица спал. Неужто учение дается столь тяжело?

Юньчжэнь ласково прижался щекой к ее плечу, подлизываясь:

— Матушка, у вас просто сердце не на месте от заботы. С чего бы мне худеть? В Школе Духовных Звуков ко мне относятся со всем почтением, живется мне здесь славно.

— Ах ты, проказник, — матушка с нежностью коснулась пальцем его лба.

Она огляделась по сторонам и негромко спросила:

— А где же Гэнлань? Почему он не пришел встретить меня?

Улыбка на лице Юньчжэня растаяла. На смену ей пришло притворное замешательство, он отвел глаза и замялся:

— Матушка... Есть вещь, о которой мне трудно говорить...

— Говори, дитя. От матери не должно быть тайн.

Юньчжэнь вздохнул и с неохотой выдавил из себя:

— Пару дней назад я предупредил брата, что вы прибудете навестить нас. Но он... он лишь рассвирепел. Сказал, что знать вас не желает. Что люто ненавидит и вас, и отца. Якобы из-за вашей жестокости он провел столько лет среди простых смертных, терпя лишения, а стоило ему вернуться домой, как его выставили за порог.

Юньчжэнь украдкой следил за тем, как меняется лицо матушки, и поспешно добавил с фальшивой тревогой:

— Матушка, не вините брата. Он слишком долго пробыл на чужбине, сердце его ожесточилось, вот он и замкнулся в своей обиде. Позвольте мне пойти и еще раз поговорить с ним? Вдруг он одумается и спустится ради одной лишь встречи?

Шэнь Дуаньфэн долго молчала. Ее пальцы медленно перебирали деревянные четки, отсчитывая бусины.

— Хорошо. Пойди, поговори с братом.

Юньчжэнь послушно улыбнулся:

— Ради матушки я готов на все. Вы проделали столь долгий путь, чтобы повидаться с нами, мы не вправе вас огорчать. Подождите меня здесь, я обернусь в один миг.

— Ступай.

Дуаньфэн провожала взглядом старшего сына, пока его фигура на мече не растаяла в густом тумане, окутывающем вершины. Ветер трепал ее волосы, широкие рукава платья шумно бились на ветру.

«Ланьэр... Неужели ты действительно настолько возненавидел меня?»

Впрочем, она понимала: у сына были все причины для злости. Она и впрямь не сумела стать ему настоящей матерью.

Не Юньчжэнь сжимал в ладони охранный нефритовый жетон Истинного владыки Цзые, направляясь напрямик к каменной темнице Пика Горького Моря. Этот пропуск он выпросил у наставника еще вчера вечером, зная, что именно сегодня матушка прибудет в школу.

Тяжелые засовы со скрипом разошлись. Юньчжэнь подождал, пока глаза привыкнут к полумраку каземата, и наконец разглядел среди густых ветвей шиповника силуэт брата.

Достав из рукава крупную серебряную жемчужину луны, он пустил по ней духовную силу. Яркий, чистый свет мгновенно забил каждый закуток убогой камеры, обнажая неприглядную картину.

Юноша сидел на голой земле, сложив руки в медитативном жесте. Его веки дрожали, а брови были судорожно сведены к переносице — судя по всему, тренировка шла из рук вон плохо.

Юньчжэнь презрительно фыркнул:

— О надо же, поглядите-ка на моего прилежного братика! Даже в карцере не прекращает медитировать. Какое похвальное рвение!

Гэнлань услышал его голос, но его сознание металось в лабиринте разбушевавшихся

меридианов. Из-за внезапного вторжения он никак не мог безопасно выйти из транса, проваливаясь все глубже в темную бездну хаоса ци.

Юньчжэнь продолжал глумиться:

— Братец, я пришел с доброй вестью. Наша дорогая матушка проделала путь в тысячи ли, чтобы навестить нас. Она очень хочет увидеть тебя. Не желаешь ли подняться и поприветствовать ее? Второго такого шанса может и не быть, так что советую поторопиться.

Услышав о матери, Гэнлань окончательно потерял контроль над внутренней энергией. Меридианы вспыхнули нестерпимой болью. Он резко распахнул глаза и, согнувшись пополам, выплюнул на землю струю темной крови.

— Старший брат, умоляю вас! Позвольте мне увидеться с матерью! Умоляю! — хрипел Гэнлань, не жалея лба о каменные плиты.

Надзиратель брезгливо взирал на то, как юноша бьется посреди колючих ветвей. Его одежда была перепачкана грязью и кровью, спутанные волосы закрывали лицо, а весь облик дышал глубоким отчаянием.

Привлеченный шумом, стражник рывкнул:

— Осужденным строго-настрого запрещено покидать Пик Горького Моря! О том, чтобы спуститься к воротам, и речи быть не может!

Как ни умолял Гэнлань, надзиратель оставался непреклонен и наотрез отказался передать просьбу старейшинам или главе секты.

Не Юньчжэнь тихо рассмеялся:

— Братец, у матушки не так много времени. Если заставишь ее ждать слишком долго, она решит, что ты по-прежнему держишь на нее обиду, и уедет ни с чем. Так что поторапливайся. У тебя осталась от силы половина стражи, чтобы выбраться отсюда. Да и отец предупреждал: если продолжишь упрямиться и позорить имя рода, он окончательно отречется от тебя.

Довольный собой, Юньчжэнь развернулся и зашагал к выходу.

Гэнлань рванулся вперед, пытаясь ухватиться за подол его мантии, но тяжелая кованая решетка с оглушительным лязгом захлопнулась прямо перед его носом.

Двинувшись слишком резко, он распорол ладони и колени о ядовитые шипы, и на землю закапала свежая кровь.

Надзиратель равнодушно скользнул взглядом по окровавленному юноше и вышел вон, заперев наружную дверь.

Не Гэнлань бессильно опустился на землю. В наступившей темноте его глаза заволокло лихорадочной краснотой.

С тех пор как они расстались с матерью на Болоте ядовитого тумана, он не переставал корить себя за то, что не сумел поговорить с ней по-человечески.

Тогда на прощание Шэнь Дуаньфэн тихо произнесла:

— Ланьэр, помни: твоя мать идет по Пути Ясного Сердца.

Лишь оказавшись в Школе Духовных Звуков, он осознал истинный смысл этих слов.

Когда он потерял сознание в ледяном массиве семейного святилища Не, мать пришла к нему и лично ухаживала за ним — и это, несомненно, было пределом того, что позволяли жесткие рамки ее учения. В отличие от жестокого и безразличного отца, Шэнь Дуаньфэн действительно любила его. Пусть эта любовь из-за Пути Ясного Сердца и казалась прозрачной и холодной, как вода.

Крупные слезы беззвучно покатались по щекам юноши, разбиваясь о холодные камни пола.

Он просто хотел увидеть ее. Хотя бы раз.

Пусть бы говорил только он один, а она лишь молча слушала его. Юноше до боли хотелось излить родному человеку всю душу, рассказать обо всех обидах и унижениях, что ему пришлось пережить в этих стенах. Ему не нужно было сочувствия или утешений — только бы его кто-то выслушал.

Но он был заперт в этой сырой клетке, лишенный возможности сделать хоть шаг.

Гэнлань до крови прикусил губу, сдерживая рвущиеся наружу рыдания.

Половина стражи. Если он не успеет за это время, матушка уедет, уверенная в его неблагодарности.

А драгоценные мгновения неумолимо ускользали.

Юноша метался от бессильной ярости, но был совершенно беззащитен.

Внезапно до тихой вершины донесся знакомый, мелодичный перезвон нефритовых подвесок.

Надзиратель удивленно воскликнул:

— Старший брат Шо? Что привело вас сюда?

— Впусти меня. Мне нужно навестить младшего брата Не.

Решетка со скрипом отворилась. Яркий свет ворвался в темницу, заставив Гэнланя зажмуриться. Когда он разглядел на пороге Бэймин Шо, его глаза вновь наполнились слезами, но теперь — слезами безумной надежды.

— Старший брат Бэймин!

Шо так и застыл, пораженный жутким зрелищем: перед ним лежал окровавленный, израненный юноша.

— Младший брат, что с тобой произошло?!

Не обращая внимания на впивающиеся в ладони шипы, Гэнлань подполз к самому порогу. На его исцарапанном лице смешались слезы и кровь:

— Времени совсем нет... Старший брат, могу я умолять тебя об одной услуге? Меня заперли здесь, и только ты можешь мне помочь!

Бэймин Шо еще никогда не видел этого гордого юношу столь беззащитным и хрупким, словно тончайшее стекло. Гэнлань умоляюще смотрел на него снизу вверх опухшими от слез глазами, судорожно хватая ртом воздух.

В его голосе звучала отчаянная, откровенная мольба.

Растерявшись от жалости, Шо поспешил приподнять его:

— Младший брат, говори, что нужно сделать? Я расшибусь в лепешку, но помогу тебе!

Гэнлань не знал, сколько минут у него осталось. Он торопился, его зубы выбивали дробь, но он изо всех сил старался говорить внятно:

— Старший брат, я заперт в этой темнице и не могу уйти. Моя матушка ждет меня на площади у подножия горы. Прошу тебя, спустись туда и передай ей: я не отказывался от встречи с ней! Меня оговорили и бросили сюда... Умоли ее подождать меня хотя бы несколько дней!

Гэнлань надеялся, что эта ничтожная просьба не составит труда, но лицо Бэймин Шо мгновенно исказилось от неловкости.

— Младший брат, я...

Заметив его нерешительность, юноша грязным рукавом поспешно утер слезы и взмолился еще горячее:

— Нужно всего лишь передать пару слов, старший брат Бэймин! Пожалуйста, поторопись! Матушка обещала ждать всего один час, и если мы разминемся, я могу никогда больше ее не увидеть! С тех пор как ушел Юньчжэнь, утекло много времени. Если ты отправишься прямо сейчас, ты еще успеешь!

Однако Шо лишь виновато отвел взгляд, замялся и выдал из себя жалкое бормотание. На его лице читалось глубокое раскаяние, но никак не готовность действовать.

— Младший брат, я... — выдал Шо.

— Старший брат? — в умоляющем взгляде Гэнланя проскользнуло искреннее недоумение.

Бэймин Шо всегда увивался вокруг него, заверяя в своей преданности так пылко, словно готов был по первому зову достать луну с неба. Гэнлань был уверен, что в столь ничтожной просьбе ему не откажут. Но сейчас на лице этого грозного воина он видел лишь трусливое колебание. Юноша на миг усомнился, не подводят ли его глаза.

Шо наконец выдал, запинаясь:

— Прости, младший брат... Я... я не могу спуститься с горы.

В горле у Гэнланя застрял судорожный вздох, перешедший в глухой хрип:

— Старший брат, нужно лишь передать слова. Клянусь, я отплачу тебе за эту услугу сторицей! Неужели это так сложно?

Надежда юноши была столь хрупкой и жалкой, что ранила сердце.

— Младший брат, я не могу объяснить тебе причину, но мне действительно закрыт путь вниз,
— Шо не мог выносить его слез, и в его голосе тоже зазвучала паника. — Давай я найду твоего друга Сюя Тяньтяня? Пусть он спустится к госпоже Шэнь и все ей расскажет, идет?

Гэнлань зло затер слезы ладонью:

— Сюй-даою под стражей на Пике целебных снадобий, его не выпустят!

Дыхание его становилось все более прерывистым, а голос дрожал от отчаяния:

— Старший брат, умоляю, придумай что-нибудь! Время на исходе!

Каждая секунда была на счету.

Шо заметался, окончательно теряя голову от паники:

— Жди здесь! Я найду кого-нибудь из других учеников, они передадут!

Он со всех ног бросился вон из темницы, гулкое эхо его шагов долго звенело под каменными сводами.

Вскоре снаружи послышался тихий свист рассекающего воздух меча, и тяжелая дверь с грохотом закрылась.

Оставшись один во тьме, юноша сел, скрестив ноги, и сделал глубокий вдох, пытаясь унять колотившую его дрожь.

Матушка еще там. Она должна быть там. Его слова обязательно дойдут до нее.

Покинув Пик Горького Моря, Бэймин Шо во весь опор понесся к Пику Чудесных Звуков. Едва его ноги коснулись земли, он принялся хватать за рукава каждого встречного ученика:

— Сделай милость, помоги мне!

— Помоги, умоляю!

Но стоило тем услышать, что нужно передать весть от Не Гэнланя, как они брезгливо отшатывались и качали головами:

— От этого смазливой приживалы? Слыхали мы, как он ночи напролет кувыркался со старшими братьями, а потом еще и духовные травы Истинного владыки Цинъяня погубил! Туда ему и дорога, не стану я помогать такому сброду!

— Обыкновенная потаскуха, только и умеет, что мужиков соблазнять. Хоть управители его и оправдали, держу пари, он просто ублажил кого-то из старших, чтобы замять дело!

— Вот еще, мараться об него. Нам проблемы не нужны.

— Сразу видно уличную породу. Строит из себя праведника, а на деле — шлюха шлюхой...

Шо не выдержал. Взревев от бешенства, он велел им проваливать к чертям.

Ученики испуганно прыснули в рассыпную. Вне себя от ярости, Шо со всей силы ударил ладонью по стоявшему у обочины могучему дереву Линчжи, и вековой ствол с треском рухнул на землю.

Времени оставалось все меньше.

Помня об отчаянном лице Гэнланя, Шо, подавив гнев, попытался остановить еще нескольких прохожих. Спросив еще трех или четырех человек и поняв, что все тщетно, он стиснул зубы и направил меч вниз, к подножию.

«Раз уж никто не хочет помочь, я сам прорвусь! Главное — успеть узнать, там ли еще его матушка...»

Меч Шо завис над белокаменными Нефритовыми воротами школы.

Но стоило ему пересечь невидимую черту, чтобы спуститься по ступеням, как защитный массив вспыхнул ослепительным золотым сиянием.

Раздался глухой удар.

Бэймин Шо отбросило назад, и он тяжело рухнул на ступени, захлебываясь кровью.

Его духовное ядро содрогнулось от страшного удара. На мгновение он лишился сил даже для того, чтобы просто приподняться.

— Проклятье...

— Столько лет прошло... а массив пленения души все так же крепок...

Изо рта Шо хлынула новая струя крови. Он бессильно привалился к перилам лестницы, окончательно теряя способность шевелиться.

Он надеялся, что помочь попавшему в беду юноше будет проще простого, а оказался заперт в ловушке собственной слабости. Физически неспособный вернуться на Пик Нефритового Костного Мозга, он дрожащими пальцами полез в мешочек и выудил талисман связи. Однако у него не осталось крох духовных сил, чтобы активировать бумажного вестника. Бумага выскользнула из его ослабевших пальцев и полетела вниз по ступеням.

«Даже если бы я смог позвать Цинхуна... все без толку...» — угасающим сознанием подумал Шо.

Это был крах. Тот единственный раз, когда гордый мальчишка доверился ему и взмолился о

помощи, Шо оказался жалок и бесполезен.

Он навсегда потерял его доверие.

Шо закрыл глаза и провалился во тьму.

Тем временем на площади у подножия горы Не Юньчжэнь стоял бок о бок со своей матерью, вглядываясь в окутанные клубами тумана склоны Пика Чудесных Звуков.

Назначенный час истек.

Юньчжэнь тяжело вздохнул и с притворной грустью посмотрел на Шэнь Дуаньфэн:

— Матушка... Я из кожи вон лез, умоляя брата спуститься. Сказал, что вы будете ждать его целый час, чтобы он хорошо все обдумал. Но, похоже, он твердо решил проигнорировать ваш приезд.

Шэнь Дуаньфэн отвела взгляд от затерянных в облаках горных вершин. Ее лицо вновь обрело холодное, бесстрастное выражение:

— Что ж... Видно, наша связь матери и сына оборвалась навсегда. Должно быть, он действительно люто ненавидит меня в глубине души.

Юньчжэнь опустил глаза:

— Матушка, брат еще слишком молод и глуп. Пожалуйста, не держите на него зла.

Голос Дуаньфэн прозвучал без единой эмоции:

— Быть может, дело в его незрелости.

Она достала из рукава изящный шелковый мешочек и вложила его в руку Юньчжэня:

— Это высокоранговый пространственный мешочек. Внутри собраны редкие травы и духовные камни из наших кладовых. Береги его, дитя, и приложи все силы к совершенствованию.

Глаза Юньчжэня радостно блеснули:

— Не беспокойтесь, матушка! Сын будет усердно тренироваться и обязательно попытается образумить брата.

Дуаньфэн едва заметно кивнула и ласково погладила сына по волосам:

— Ты повзрослел, Юньчжэнь. Стал куда рассудительнее.

Парень преданно потерся головой о ее теплую ладонь, словно ласковый домашний зверек:

— Матушка, мое сердце всегда принадлежит вам и отцу.

Настал момент прощания.

Женщина обернулась, бросив последний взгляд на величественные ворота Школы Духовных Звуков, а затем вновь посмотрела на машущего ей рукой старшего сына.

В ее груди внезапно шевельнулся безумный порыв — остаться, велеть слугам задержаться в Городе Далёкого Журавля еще на один день. Подождать, пока Ланьэр остынет и все же решится прийти к ней.

Но стоило этой мысли зародиться, как ледяные оковы Пути Ясного Сердца безжалостно сдавили ее разум, выжигая малейшие проявления человеческой привязанности.

Позволь она себе поддаться этому чувству, скажи хоть слово — и ее духовные каналы не выдержали бы напора энергии, а сердце разорвалось бы на части. Нарушение обета грозило мгновенным разрушением дао-сердца и неминуемой гибелью.

подавив минутную слабость, Шэнь Дуаньфэн медленно отвернулась.

Юньчжэнь провожал взглядом взмывающий ввысь ковчег, пока тот окончательно не растаял в лазурной вышине среди пушистых облаков. Ветер утих, и на площади воцарилась мертвая тишина.

Солнце скрылось за горизонтом, уступив место усыпанному звездами небу.

У подножия Нефритовой лестницы за воротами школы все так же лежал без сознания Бэймин Шо.

А в сырой темнице Пика Горького Моря время тянулось невыносимо медленно.

Гэнлань ждал во тьме, считая удары сердца. С тех пор как ушел Шо, минуло уже несколько страж, но от него не было никаких вестей. Надежда, еще недавно горевшая в груди юноши, окончательно угасла.

Внезапно резкая боль пронзила его грудь. Силы покинули его, руки бессильно упали на колени. Изнуренный новыми ранами, терзаемый душевной мукой, он не выдержал: из уголка его губ побежала тонкая струйка темной крови.

Острые шипы у его ног и серые каменные стены камеры окрасились зловещими багровыми каплями.

Лишь глубокой ночью Бэймин Шо с трудом пришел в себя. Несколько мгновений он непонимающе озирался по сторонам, а осознав, где находится, дрожащими руками извлек из пространственного мешочка девятикратно очищенную пилюлю ледяной души и проглотил ее.

Едва к нему вернулись силы, он вскочил на меч и полетел к Пику Горького Моря.

Дежурившие у темницы стражники опешили, заведя Шо в столь поздний час:

— Старший брат Шо? Что вы здесь делаете посреди ночи?

Взглянув на его окровавленную грудь, они испуганно переглянулись.

Шо выдал сиплым голосом:

— Случайно поранился о ядовитые травы на тренировке, пустяки. Мне нужно повидаться с младшим братом Не. Вспомнил, что забыл передать ему кое-что важное.

Простые ученики знали лишь, что глава секты благоволит Бэймин Шо, но истинное его происхождение оставалось для них тайной. Решив, что старший брат просто заботится о своем избраннике, стражники без лишних слов отперли ворота.

Шо ворвался внутрь. Достав светящийся ночной жемчуг, он осветил камеру и похолодел: Гэнлань лежал прямо среди колючих ветвей без чувств.

Белые ученические одежды юноши пропитались кровью, представляя собой жуткое зрелище. Но страшнее всего выглядели его некогда изящные, тонкие ладони — теперь они были сплошь покрыты глубокими рваными ранами.

— Младший брат!

Шо бросился к нему, намереваясь поднять на руки. Но стоило его пальцам коснуться плеча юноши, как тот вздрогнул, распахнул глаза и едва слышно прошелестел одними губами:

— Матушка...

Протянутая рука Шо застыла в воздухе и бессильно опустилась. Он виновато опустил голову и заговорил едва различимым шепотом:

— Прости меня, младший брат... Я... я не сумел встретиться с госпожой Шэнь. И никого не смог уговорить помочь...

Слабая искорка надежды, на мгновение вспыхнувшая в глазах Гэнланя, окончательно угасла.

Шо лепетал, путаясь в словах от стыда и отчаяния:

— Никто... никто не согласился пойти. Время таяло, и я решился спуститься сам, но не смог пересечь барьер...

— Кха-кха! — Гэнлань зашелся в мучительном кашле, и изо рта его снова брызнула багровая кровь.

Шо в панике попытался приподнять его, но юноша из последних сил оттолкнул его руку.

— Уходи, — ледяным тоном процедил он.

Эти два слова заставили Шо застыть на месте.

— Младший брат...

Гэнлань судорожно вздохнул, сдерживая рвущиеся из груди рыдания:

— Из-за тебя... я, может, больше никогда не увижу матушку.

Шо прикусил губу. Он разузнал о судьбе Гэнланя и знал, что того выставили за порог родного дома. Юноша проделал тяжелейший путь, чтобы поступить в Школу Духовных Звуков, и когда родные наконец согласовали навестить его, Шо лишил его этого единственного шанса на примирение.

Шо искусал губы в кровь, не чувствуя боли, и глухо проговорил:

— Младший брат, прости меня.

Гэнлань поднял на него затуманенный слезами взор:

— Уходи. Я не хочу тебя видеть.

Зачем Шо строил из себя всемогущего покровителя, если в самый важный момент не сумел выполнить простейшую просьбу? Последняя ниточка, связывавшая Гэнланя с надеждой, оборвалась, увлекая его на самое дно ледяной бездны.

В гробовой тишине каземата Шо слышал лишь тихие, прерывистые всхлипы. Юноша сидел, уткнувшись лицом в окровавленные колени, и его хрупкие плечи непрерывно дрожали.

Сердце Шо разрывалось от жалости. Он торопливо достал из мешочка флакон с целебным эликсиром:

— Младший брат, прими снадобье. Сперва нужно залечить раны.

Но стоило Гэнланю вскинуть голову, как Шо замер на полуслове. Сквозь спутанные пряди волос на него смотрели глаза, полные такой лютой, неистойвой стужи, что у Шо перехватило дыхание.

— Вон!

От этого яростного выкрика Шо бросило в дрожь. Он понял: если он не уберется сию же секунду, Гэнлань не простит его до конца своих дней.

Постоянно оглядываясь, Шо попятился к выходу и скрылся за дверью.

В темнице вновь воцарился мрак. Не имея больше сил держаться, Гэнлань повалился на холодные плиты и свернулся калачиком. До самого рассвета под каменными сводами раздавался его тихий, удушливый плач.

Бэймин Шо был измотан до предела — и телом, и душой.

Горечь поражения, стыд и раскаяние сплелись в его груди в тугой узел. Направляя летящий меч наобум, он даже не замечал, куда летит.

А когда опомнился, то обнаружил, что вновь стоит перед закрытыми воротами школы, где давеча лишился чувств.

Шо уставился на барьер воспаленными глазами. Спустя пару мгновений глухой ярости он резко зажмурился и со всей силы протаранил защитное поле мечом.

На рассвете, когда восточный край неба окрасился нежным сиреневым светом, Шо вновь пришел в себя.

На этот раз он не стал принимать целебные пилюли. Истекая кровью, он покачавшись взлетел

на меч и кое-как добрался до Пика Нефритового Костного Мозга.

Едва он миновал барьер пика, как над вершиной разнесся ледяной голос брата:

— Тебя не было всю ночь. Где ты пропадал?

Ослабевший Шо не удержался на мече и рухнул прямо на острые камни у обочины тропы. Он даже не попытался защитить тело духовной силой, позволив острым кремням до крови иссечь кожу.

В то же мгновение перед ним возник безупречный силуэт Почтенного мечом Цинхуна. Из его уст сорвался гневный выкрик:

— Бэймин Шо!

Невидимый поток могучей ци подхватил лежащего на земле и аккуратно перенес на ровную плиту двора.

Цинхун нахмурился, и вокруг израненного тела заструилось мягкое золотистое свечение целительной энергии. Однако Шо упрямо отмахнулся, развеивая золотой дым.

— Жизнь надоела? — процедил Цинхун, и в его голосе зазвучала нешуточная угроза.

Шо лишь слабо покачал головой. Собрав последние крохи сил, он встал на колени и принялся отвешивать поклоны, со скрежетом биясь лбом о плиты.

Цинхун презрительно фыркнул:

— Что за безумие? Неужто наконец осознал свои прежние ошибки и решил вымолить у меня прощение?

Шо горько усмехнулся:

— Если бы дело было в прошлом, все было бы куда проще.

Он вновь с силой прижался лбом к неровному камню и, тяжело дыша, выдавил:

— Я... я пришел просить тебя совсем о другом.

Цинхун холодно молчал, не говоря ни слова.

Шо выждал немного и, поняв, что брат готов его выслушать, с трудом сглотнул кровь:

— Пожалуйста... начни обучать Не Гэнланя искусству меча. Считаю это моим долгом перед

ним, который я хочу уплатить. Пожалуйста...

Вокруг воцарилась звенящая тишина.

Шо, не таясь, без утайки рассказал брату обо всем, что произошло за последние часы.

Закончив рассказ, он облизал пересохшие, покрытые запекшейся кровью губы и хрипло добавил:

— Теперь он, верно, и видеть меня не захочет. Это единственное, чем я могу загладить свою вину. Он... он до безумия хочет стать сильнее.

По мере того как Шо раз за разом повторял это «он», брови Цинхуна сходились к переносице все сильнее.

Почувствовав, как атмосфера вокруг накаляется, Шо испугался, что брат откажет ему, и вновь принялся неистово бить поклоны. В конце концов из его воспаленных глаз брызнули слезы.

Цинхун брезгливо хмыкнул:

— Решил разыграть представление? Сколько сотен лет ты не лил слез?

Шо яростно утер лицо рукавом и замотал головой:

— Нет!

— На этот раз все взаправду!

Его глаза снова наполнились влагой, он со всей силы прижался лбом к камням, и его голос сорвался на дрожь:

— За все эти годы я ни разу ни о чем тебя не просил. Помоги мне в этот раз, умоляю...

— Брат!

<http://bllate.org/book/20023/1994764>